

Герой с характером:

Как создать
персонажа,
за которого
переживают

— ии —

Александра Бедоярская

Александра Белоярская

**Герой с характером: Как
создать персонажа, за
которого переживают**

«Автор»

2026

Белоярская А.

Герой с характером: Как создать персонажа, за которого переживают / А. Белоярская — «Автор», 2026

Когда третий свадебный торт летит в окно, а голуби требуют компенсацию, ясно: финал пошёл не по плану. Для Рена это работа — чинить чужие сказки, помогать принцессам, драконам и даже злодеям. Но поддержка легко становится контролем, а спасение — ловушкой. В каждом договоре нужны ясная цель, границы и право сказать «нет». Только кто решит, чего хочет сам Рен, если он привык устраивать финалы другим? Ироническое фэнтези о выборе, ответственности и последствиях, которые остаются после развязки. Приключения Рена напомнят: можно замечать повторяющиеся сценарии, просить о помощи, менять навязанную роль и пересматривать решения. Для тех, кто устал быть спасателем или любит сказки с характером и смыслом. Счастливый конец не гарантирует лёгкого будущего — но следующий шаг можно выбрать. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Белоярская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Наёмник без собственного финала	6
Договор о починке сказок	11
Принцесса, отменившая спасение	18
Дракон, которому надоело быть препятствием	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александра Белоярская

Герой с характером: Как создать персонажа, за которого переживают

Наёмник для счастливых концовок

Александра Белоярская

Наёмник без собственного финала

Третий свадебный торт пролетел над головой Рена и врезался в окно, где сидели двое говорящих голубей.

— Мы против этого брака! — прокричал один.

— Мы против любого брака, в котором не предусмотрен корм, — уточнил второй.

Рен пригнулся. На его плащ посыпались кремовые розы.

— Прежде чем продолжим, — сказал он, вытаскивая из внутреннего кармана блокнот, — уточню несколько деталей. Кто здесь заказчик? Кто из присутствующих является главным героем? И предусмотрены ли в свадебном бюджете расходы на лечение голубей?

Перед ним стоял принц Аларик в белом камзоле и золотой короне. У ног принца лежал алтарь, перевернутый вверх ногами. На алтаре возвышалась мраморная статуя прекрасной девушки с пустыми глазами и открытым ртом. На её каменной голове косо сидела фата.

— Заказчик — король, — ответил принц. — Главный герой — я. Голубей никто не лечит. Они всегда такие.

— Неправда, — сказал один из голубей. — До вашей свадьбы мы были обычными голубями.

— Принц собирается жениться на собственной статуе? — спросил Рен.

— Уже почти женился, — поправил Аларик. — Священник ушёл. Гости заперты в часовне. А статуя отказывается произнести клятву.

— Она не умеет говорить, — возразил король, выглянув из-за колонны.

— Именно поэтому отказывается, — сказал Рен.

В этот миг здание содрогнулось. На стене расплзлась трещина, и за ней проступил другой пейзаж: тёмный лес, спящая девушка и волк в ночном колпаке, который медленно начал расти до размеров коня. Плохой финал тянулся наружу, как чернила по мокрой бумаге.

Рен перестал писать.

Истории обладали инерцией. Хороший конец придавал им устойчивость, плохой заставлял мир повторять ошибку снова и снова, пока она не становилась законом. А если историю долго не останавливали, её финал мог заразить соседние сюжеты. Из-за одной неудачной свадьбы волки в сказках становились всё крупнее, принцессы спали всё крепче, а в соседнем королевстве уже начинали превращать всех младших сыновей в жаб.

Наёмника вызывали, когда герои не могли выбраться сами. Обычно это случалось из-за проклятия, семейного секрета или убеждения, что в последней главе обязательно должен быть свадебный пир.

Рен встал между принцем и статуей.

— Господин Аларик, почему вы хотите на ней жениться?

— Потому что она идеальна.

— Это качество супруги или скульптуры?

Принц нахмурился. Сверху пролетел ещё один торт.

— Она никогда не спорит. Никогда не опаздывает. Никогда не просит меня быть лучше, чем я есть.

— Тогда у меня плохие новости, — сказал Рен. — Вы собираетесь жениться на собственном удобстве.

Статуя скрипнула. По мраморной щеке прошла тонкая трещина.

— Я не удобство, — произнесла она неожиданно низким голосом. — Я даже не знаю, как меня зовут.

Король побледнел.

— Скульптор уверял, что рот вырезан достаточно широко.

— Рот у неё открытый, — сказал Рен. — Это не одно и то же, что голос.

Принц снял корону и положил на алтарь. Впервые за всё утро он посмотрел не на собственное отражение в гладком мраморе, а на лицо статуи.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

Статуя молчала. Не потому, что не умела отвечать, а потому, что ей никогда не задавали такого вопроса.

За трещиной в стене волк зарычал. Где-то в соседней истории девушка громко чихнула во сне.

Рен достал из кармана медный жетон и щёлкнул им по каменному запястью.

— В рамках срочного вмешательства, — произнёс он, — каждой стороне разрешается выбрать не то, что от неё ожидают.

Статуя медленно повернула голову. Из трещины посыпалась белая пыль.

— Я хочу стоять под дождём, — сказала она. — И чтобы на меня не смотрели так, будто я обязана быть прекрасной.

— А я хочу... — начал принц и замолчал.

Рен не торопил его. Это было частью работы: иногда нужное слово появлялось только после того, как все переставали подсказывать.

— Я хочу поговорить с кем-нибудь, кто может мне возразить, — сказал Аларик. — Не чтобы меня исправили. Просто чтобы я узнал, что у другого человека свои мысли.

— Уже неплохое начало, — отметил Рен.

Король застонал:

— Но свадьба была назначена!

— Назначение не делает событие желанным, — сказал Рен. — Иначе я был бы счастлив каждое утро в девять, когда мне назначают следующий заказ.

Он произнёс это машинально. Слова повисли в воздухе, и Рен сразу отвернулся к стене.

— Короче, — продолжил он. — Статуя отправляется в городской сад. Там есть фонтан. Принц снимает корону, если хочет, и идёт разговаривать с живыми людьми. Король отменяет свадьбу. Голубям выдаётся корм и компенсация за моральный ущерб.

— Мы требуем зерно, — сказал голубь.

— Будет зерно.

— И извинение.

— Это уже в следующем контракте.

Алтарь засиял. Трещина на стене затянулась, волк за её пределами уменьшился до обычного размера и обиженно завыл. Гости вышли из часовни. Принц сам поднял мраморную девушку и отнёс её к фонтану, хотя каменная тяжесть надорвала рукав его парадного камзола. Статуя попросила поставить её лицом к небу. Никто не назвал это браком.

Когда история обрела устойчивость, голуби получили мешок зерна, король — счёт за испорченные торты, а принц — право на первый в жизни разговор без заранее написанных реплик.

Рен тем временем уселся за столик в опустевшей часовне и заполнил акт приёмки счастливого конца.

Форма была старой, с выцветшими синими печатями и углами, обгрызенными, вероятно, прежними заказчиками. Рен заполнил дату, название истории, число задействованных персонажей и стоимость ущерба. В графе «Способ устранения дефекта» написал: «Сторонам предложена возможность самостоятельно выбрать дальнейшие действия».

Ниже шла графа «Удовлетворённость героя». Рен отметил: «Высокая».

— А где ваша? — спросил Аларик, заглянув через плечо.

— Моя что?

— Удовлетворённость.

Рен посмотрел на форму. Там были строчки для подписи героя, заказчика, свидетеля и ответственного за голубей. Для наёмника графы не имелось.

— Я не герой этой истории, — сказал он.

— Но ведь вы тоже здесь были.

— Это не основание для отдельной графы.

Он поставил свою подпись внизу, там, где мелким шрифтом значилось: «Исполнитель подтверждает, что работа завершена в соответствии с условиями заказа». Подпись вышла чёткой и ровной. Рен умел ставить подписи. Он подписывал их каждый день.

Принц протянул ему кошель.

— Вы спасли мне жизнь.

— Я спас вашу историю от затяжного брака.

— Всё равно. Возьмите. И спасибо.

— Благодарность принята, — ответил Рен.

Он сказал это без грубости. Даже улыбнулся. Только внутри не сдвинулось ничего.

Через час он покинул дворец с кошельком, полным золотых монет, и с чувством, будто забыл где-то выключить лампу. Он не мог вспомнить, когда в последний раз ждал чего-то от окончания работы. Возможно, ещё в первые годы. Тогда ему казалось, что каждая история, которую он спасает, немного изменяет и его. Позже он перестал проверять.

В конторе его встретила архивариус Мара. Она принимала закрытые дела, выдавала новые и умела одним взглядом определить, кто из просителей собирается плакать на документах.

— Свадебные пиры становятся всё опаснее, — сказала она, забирая акт. — Ещё несколько лет назад торты просто ели.

— Прогресс.

Мара посмотрела на заполненную форму.

— Ты опять поставил «удовлетворён» за героя.

— Он сказал, что доволен.

— Я не о герое.

Рен снял плащ и повесил его на крючок. На плече остался кремовый след в форме розы.

— В форме нет такой графы.

— В форме много чего нет.

— Например?

Мара помедлила.

— Например, вопроса, почему ты всё время отвечаешь на чужие вопросы и ни разу не задаёшь себе ни одного.

Рен открыл кошель. Золото звякнуло.

— Я занят.

— Ты не занят. Ты расписан.

Это было точнее, чем ему понравилось.

Рен давно научился считать расписание доказательством собственной нужности. Заказ сменял заказ, подпись — подпись. Когда его спрашивали, куда он направится после работы, он отвечал: «Туда, где потребуется». Когда спрашивали, что он хочет на ужин, он выбирал то, что быстрее принесут. Когда в гостинице предлагали комнату с видом на сад или во двор, он говорил: «Любая». Сначала так было удобно. Потом стало легче не замечать, что выбирать ему нечего.

Он заменил личные решения контрактами. У контракта имелись цель, сроки, оплата и подписи сторон. У собственных желаний обычно не было ни одного из этих удобств.

— Ты хотя бы помнишь, почему начал этим заниматься? — спросила Мара.

Рен закрыл кошель.

— Потому что кому-то нужно исправлять финалы.

— Это не ответ.

— Зато профессиональный.

Он хотел произнести что-то ещё, но не нашёл подходящих слов. За долгие годы он отточил мастерство, необходимое для чужих счастливых концовок, и забыл, что к себе тоже можно обратиться с вопросом.

В контору вошёл посыльный. На его плаще был знак Архива несостоявшихся концовок — серебряная дверь без ручки.

— Срочный заказ, — объявил он. — Без предварительной встречи. Без указания места. Без имени заказчика.

— Уже звучит так, будто заказчик рассчитывает сэкономить на дороге, — сказал Рен.

Посыльный положил на стол тонкий лист. Бумага была белой с обеих сторон, хотя текст на ней всё-таки имелся. Буквы проступали, словно их печатали с обратной стороны невидимой страницы.

Мара прочла вслух:

— «Требуется специалист по восстановлению счастливого конца. Начало истории не обнаружено. Заказчик неизвестен. Получатель счастливого конца не указан».

— И что именно сломалось? — спросил Рен.

— Неизвестно.

— Где находится история?

— Неизвестно.

— Почему обращаются к нам?

Посыльный посмотрел на бумагу.

— Вероятно, потому что больше никому.

Рен усмехнулся. Хороший ответ. Его самого так нанимали чаще всего.

На нижнем краю листа проступила строка с предлагаемой оплатой: триста золотых и премия за успешное завершение.

Он не потянулся за пером.

— Три сотни, — сказала Мара. — Обычно ты просишь четыреста.

— Обычно я беру.

— Ты отказываешься от гонорара?

Рен прочитал договор ещё раз. «Получатель счастливого конца не указан». Слова были простыми, но от них тянуло холодом. Нельзя было исправлять конец, пока не знаешь, для кого он должен стать счастливым. И нельзя было снова считать, что оплата автоматически объясняет, зачем он туда идёт.

— Я не подпишу этот вариант.

Посыльный моргнул.

— По инструкции заказ нужно принять немедленно.

— Тогда инструкции придётся подождать.

Рен придвинул к себе лист. В прежние годы он бы уже подписал, попросил аванс и отправился туда, куда указывал договор. Теперь он достал перо и нашёл на полях свободное место.

— Первое условие: до начала работы я узнаю, кто станет получателем конца. Второе: счастливый конец не считается успешным, если его герой не может согласиться с ним сам.

— А третье? — спросила Мара.

Рен взглянул на строчку с оплатой.

— Вместо обычного гонорара я хочу один свободный день после завершения заказа. День, который никто не сможет передать другому подрядчику, продать или назначить мне как работу.

Посыльный растерянно потёр нос.

— Вы хотите отгул?

— Нет. Я хочу распоряжаться собственным временем.

Слова прозвучали непривычно и потому весоמו. Не как просьба, которую можно отменить. Как условие, внесённое в договор.

Пустое поле на бумаге засветилось. Рен вписал туда свои требования. Чернила двигались по странице сами, закрепляя каждую строку печатями, которых прежде не было.

— Заказчик не назван, — заметил посыльный.

— Значит, сначала выясню, кто он.

— Место действия не указано.

— Выясню и это.

— А если счастливый конец предназначен не вам?

Рен поднял глаза. Вопрос был странным, но не лишённым смысла.

— Тогда придётся спросить, чего хочет тот, кому он предназначен.

Он подписал лист.

Бумага сложилась пополам. На обороте возникла ещё одна строка, тонкая, как царапина: «Начало исполнителя: не установлено».

Рен долго смотрел на неё.

Он не помнил собственного начала. Не знал, где впервые услышал чужую историю и решил, что умеет её чинить. Не помнил ни первого заказа, ни первого города, откуда вышел в дорогу. В памяти оставались лишь подписи, маршруты и двери, которые открывались перед человеком с подходящим контрактом.

— Ты в порядке? — спросила Мара.

— Да, — ответил Рен по привычке.

Потом остановился и перечитал собственные условия.

— Не знаю, — сказал он. — Но теперь это хотя бы мой ответ.

В Архиве пробил колокол. На столе вспыхнуло новое соглашение, и вокруг него, будто маленькие испуганные птицы, захлопали крыльями пустые страницы. Рен надел плащ, оставив кошель с золотом на столе.

В договоре всё ещё не было указано, кому достанется счастливый конец.

Зато впервые было указано, на каких условиях Рен согласен его искать.

Договор о починке сказок

Новый договор сорвался со стола и вцепился Рену в рукав.

Он был тяжелее, чем полагалось листу бумаги. За ним тянулась цепочка страниц, прошуршавших по полу Архива, будто за Реном волочился не заказ, а небольшой, весьма недовольный дракон.

— Похоже, от тебя не отстанут, — сказала Мара.

— Сначала выясню, чего от меня хотят.

— Это уже прогресс.

— А потом выясню, чего хочу я.

Договор туго обвил его запястье и поставил на бумаге кляксу, похожую на герб. Рен вздохнул. Он оставил кошель с золотом на столе — пусть пока лежит рядом с прежними условиями, которые давно пора было пересмотреть, — и направился к выходу.

Договор потянул его не к главной двери, а к боковой, обитой медными пластинами. За ней, как указывала табличка, находилось Бюро сюжетных исправлений. Под табличкой кто-то мелко приписал: «Чужие счастливые концы не гарантируют удовлетворённости исполнителя».

Внутри пахло чернилами, пылью и супом, который кто-то разогрел над волшебным огнём и забыл выключить. За стойкой сидела девушка с четырьмя руками. Две печатали на машинке, третья держала чашку, четвёртая перелистывала книгу жалоб.

— Цель визита? — спросила она, не отрываясь от страниц.

— Новый заказ.

— Это не цель. Это предмет визита. Цель должна помещаться в одну строку.

— Пока не знаю.

Девушка подняла на него взгляд. Две верхние руки одновременно отложили дела.

— Тогда вы пришли по адресу.

Она подала Рену табличку с номером и направила к двери, на которой было написано: «Приём сложных, противоречивых и юридически опасных сказок». Под ней красовалась ещё одна надпись: «Обычные сказки принимаются по вторникам».

В комнате ожидал человек в сером сюртуке. На столе перед ним лежали три раскрытые книги, стянутые одной цепью. Каждая тихонько постукивала обложкой, словно хотела высказаться первой.

— Северьян Фальц, уполномоченный Комиссии по приемлемым финалам, — представился человек. — Вы Рен?

— Пока это имя меня устраивает.

— Великолепно. Значит, вы подходите. Нам нужно починить три сказки до полуночи.

— Почему до полуночи?

— После полуночи они начнут влиять друг на друга сильнее, чем сейчас.

Одна из книг щёлкнула застёжкой. Из-под обложки донёсся писк.

— А сейчас они влияют слабо? — спросила Мара.

— Сейчас они влияют в пределах допустимого, — отозвался Фальц. — Один деревенский колодец поёт предсказания. Река в соседнем королевстве перестала течь. И принцесса из третьей сказки отказывается быть спасённой.

— Почему это проблема? — спросил Рен.

Фальц посмотрел на него так, будто вопрос был неприличным.

— Потому что принцессу должны спасти.

— Кто решил?

— Так написано в сказке.

— А принцесса читала?

Фальц промолчал. Рен отметил это молчание мысленно и достал из внутреннего кармана сложенную карточку. Он сам переписал её после предыдущего заказа, когда понял, что слишком часто принимал чужую тревогу за собственную обязанность. На карточке было четыре вопроса. Не заклинание, не гарантия, даже не особенно изящный текст. Но он помогал не хвататься за первое попавшееся решение.

— Прежде чем я подпишу, — сказал Рен, — ответим на четыре вопроса. Чего хотят герои? Что им мешает? Чем они готовы рискнуть? И кто вправе выбрать исход?

Фальц шумно выдохнул.

— Можно проще?

— Можно. Но тогда придётся чинить последствия нашей простоты.

Мара устроилась у стены, скрестив руки. Её выражение говорило, что она будет наблюдать и вмешается, если Рен снова попытается назвать чужой выбор своей работой.

Фальц подвёл к себе первую книгу. На её корешке золотом было выведено: «Колодец, который знал слишком много».

— В этой деревне люди пожелали никогда больше не лгать, — объяснил он. — Колодец исполнил желание. Теперь всякий, кто пьёт из него, вынужден говорить правду. Даже когда правда губительна. Мы хотим, чтобы магия сохранилась, а её последствия были отменены.

— То есть колодец должен продолжать исполнять желания, но ни на кого не влиять?

— Именно.

— Тогда он не исполняет желания.

— Он исполняет, но без последствий.

— Это называется «не исполняет», только с более дорогим оформлением.

Книга раскрылась. В воздухе над страницами возникла женщина в мокром переднике. Она была маленькой, жилистой и сердитой, как человек, который уже выслушал несколько неуместных советов и не собирался тратить на них остаток дня.

— Я Лея, — сказала она. — Хочу, чтобы колодец перестал заставлять людей говорить. Но не хочу, чтобы в деревню вернулась ложь, от которой мы и пожелали избавиться.

— Значит, магию убрать? — спросил Фальц, оживившись.

— Нет, — ответила Лея. — Я этого не говорила.

— Но вы хотите убрать последствия.

— Я хочу, чтобы люди могли решать, когда говорить правду. И чтобы моя сестра снова разговаривала со мной, не боясь, что колодец вытащит из неё то, что она ещё не готова сказать.

Рен отметил первый вопрос: героиня хочет вернуть себе выбор, а не стереть волшебство. Второй: ей мешает не колодец сам по себе, а отсутствие меры и согласия. Третий: Лея готова рискнуть привычным удобством абсолютной правды. Четвёртый: исход вправе выбирать жители деревни, но не Комиссия и не исполнитель.

— Вот видите, — сказал Фальц. — Она хочет, чтобы люди решали сами. Прекрасно. Мы запишем: «последствия магии отменить по желанию жителей».

— По чьему желанию? — уточнил Рен. — Всех жителей сразу? Большинства? Старосты? Того, кто первым успеет приложить печать к бумаге?

У Фальца дёрнулся глаз.

— У нас есть стандартная форма согласия.

— Которую все понимают одинаково?

— Разумеется.

— Тогда у вас редкая сказка.

Рен попросил у секретаря лист для приложений. Та подала бланк с заголовком: «Согласие на вмешательство в причинно-следственные связи». Внизу мелким шрифтом уточнялось, что заявитель разрешает исправить всё, что понадобится, кроме того, что он не имел в виду.

Для драконов, как сообщала приписка, требовалась отдельная форма о согласии на изменение собственности.

Рен перечеркнул формулировку Фальца.

— Вмешательство — только после того, как жители сами сформулируют, какую опасность хотят устранить. Не какую магию отменить. Какую опасность.

— Это усложнит задачу.

— Нет. Это просто не позволит нам выдать собственное решение за их желание.

Вторая книга пахла речной тиной. На обложке было написано: «Мельница на сухом русле». Её героиня, молодая мельничиха по имени Нара, пожелала спасти деревню от наводнений. Волшебная река подчинилась, оставив после себя каменистое русло и остановившиеся мельничные круги.

— Здесь всё просто, — сказал Фальц. — Вернуть реку, но отменить наводнение.

— А если река не умеет быть рекой без воды? — спросила Мара.

— Найдём заклинание.

— Это и есть ваше решение, — сказал Рен. — Я ещё не услышал цель.

Нара появилась над страницей. Рукава у неё были закатаны, волосы спутаны, на щеке темнела полоска муки.

— Я хочу, чтобы деревня не боялась каждого дождя, — сказала она. — И чтобы мельница снова работала. Моя семья жила ею четыре поколения.

— Вы готовы рискнуть чем-нибудь ради этого? — спросил Рен.

— Готова отказаться от мельницы, если станет ясно, что она и правда не может работать безопасно. Только пусть это будет моё решение, а не подарок от очередного чародея.

Фальц открыл рот, но Нара продолжила:

— И я не хочу, чтобы меня считали дурой. Я знала, что делаю, когда произносила желание. Просто не знала, как широко оно будет понято.

В комнате стало тихо. Рен знал это чувство: когда после чужой ошибки окружающие спешат назвать виновного, лишь бы не говорить о том, что никто не объяснил условий.

Он записал ответы на карточке. Нара хотела безопасность и работающую мельницу. Ей мешали буквальное исполнение желания и неясная цена. Она была готова рискнуть собственностью, если риск станет понятным и выбор останется за ней. Решение принадлежало ей и деревне, а не заказчику, которому хотелось красивой формулировки для отчёта.

— Вы не можете гарантировать возвращение реки, — сказал Рен Фальцу. — Можете гарантировать, что не будете менять русло без согласия тех, кто живёт рядом.

— Комиссия заказывает счастливые финалы, а не собрания жильцов.

— У счастливых финалов, как выяснилось, есть жильцы.

Третья книга лежала под цепью отдельно от остальных. На обложке был нарисован серебряный замок, из башни которого свешивалась коса. Вместо названия красовалась пустая белая полоса.

— А принцесса? — спросил Рен.

Фальц с видимым неудовольствием раскрыл страницу.

— Согласно повествованию, она должна ждать спасителя. В действительности она посылает отряды обратно, запирает мост и не позволяет приблизиться к башне.

— Что хочет она сама?

— Это не имеет отношения к её роли.

— Похоже, имеет самое прямое.

— Её роль — быть спасённой.

— А её желание?

Фальц подвинул договор. В его верхней части золотыми буквами было выведено: «Гарантия счастливого конца для всех участников».

— Она хочет, чтобы всё закончилось счастливо.

— Вы с ней говорили?

— Я заказчик.

— Это не ответ.

Страницы зашевелились. Между ними, будто издавека, донёлся звук захлопнувшейся двери. Затем чей-то голос произнёс:

— Я не просила присылать никого.

Фальц торопливо накрыл книгу ладонью.

— Это временное сопротивление.

— Это голос, — сказал Рен.

— Я не могу выпустить её в комнату. Она не дала согласия.

— По крайней мере, кто-то в этой комнате понимает, что такое согласие, — заметила Мара.

Рен посмотрел на текст заказа. «Сохранить волшебство» значилось в пункте первом. «Отменить все последствия магии» — в пункте втором. «Обеспечить счастливый конец для всех героев» — в третьем. Следом шёл пункт о неизменности «характера, мотивов и основных событий повествования». Требования не просто противоречили друг другу. Каждое пыталось запретить заказчику признаться, чего он на самом деле боится.

— Почему вам нужен именно такой финал? — спросил Рен. — Не комиссии. Вам.

Фальц поправил манжету.

— Моя должность — не обсуждать личные чувства.

— Тогда обсудим вашу должность. Что случится, если принцесса не будет спасена?

— Сказка останется незавершённой.

— И что случится с вами?

— Отчёт вернут на доработку.

— Только отчёт?

Фальц отвёл взгляд. В эту секунду он перестал быть уполномоченным Комиссии и стал человеком, который пытался спрятаться за печатью.

— Если история не получит приемлемого конца, меня снимут с должности, — сказал он. — Я отвечаю за три связанные сказки. Комиссия требует, чтобы они были завершены до полуночи. Я хочу не потерять место.

— Вот это уже цель.

— Она не выглядит достойно.

— Цель не обязана выглядеть достойно. Она обязана быть честной. Иначе вы просите меня расплачиваться за то, о чём даже вы сами не хотите говорить.

Фальц устало опустил на стул. Одна из книг тихо щёлкнула застёжкой, словно одобряла эту формулировку.

— Я не знаю, какого конца хочу для принцессы, — признался он. — Если она останется в башне, комиссия назовёт финал несчастливым. Если уйдёт, история изменится. Если её спасёт кто-то другой, это будет нарушением утверждённого сюжета. Я просто хотел, чтобы никто не мог обвинить меня.

Рен посмотрел на договор.

— Тогда вы заказали не счастливый конец. Вы заказали отсутствие вины.

— Разве это не одно и то же?

— Нет. Первое касается героев. Второе — заказчика.

Мара чуть заметно улыбнулась. Фальц, напротив, побледнел.

Рен перевернул договор и увидел страницу с печатями. Красная отвечала за право заказчика просить вмешательство. Синяя — за согласие участников. Зелёная — за цену. Серебря-

ная — за границы полномочий исполнителя. Пять пустых мест для подписей были аккуратно пронумерованы, хотя заказчиков и героев в сделке оказалось явно больше пяти.

— Где синяя печать? — спросил он.

— Её поставили заранее, — сказал Фальц.

— Кто?

— Комиссия.

— Комиссия не может дать согласие за принцессу.

— Печать подтверждает, что все формальности соблюдены.

Рен поднёс документ к свету. Синяя печать была наложена поверх строки, в которой полагалось указать имя согласившегося. Под воском что-то шевельнулось.

— Формальность соблюдена, — сказал он. — Но человек не согласился.

Печать лопнула. По листу пробежала синяя трещина. Цепь между книгами натянулась и лязгнула.

Фальц вцепился в стол.

— Что вы сделали?

— Задал вопрос.

— Вы сорвёте заказ!

— Нет. Я не дам ему притворяться выполненным до начала работы.

Договор резко развернулся к Рену. На последней странице чернила уже сложились в новый пункт. Буквы были изящными, уверенными и неприятно знакомыми, как почерк человека, который долго тренировался писать чужими руками.

«В случае невозможности достичь общего счастливого исхода исполнитель передаёт заказчику право распоряжаться незарегистрированным началом собственной судьбы, включая право определить её завершение».

Мара шагнула к столу.

— Убери руку от бумаги, Рен.

Он и не заметил, что успел коснуться края листа.

— В договоре нет имени, — продолжила она. — Он просто рассчитывает на тебя.

— Разве это не стандартная формулировка? — спросил Фальц. Голос его дрогнул.

— Нет, — ответила Мара. — Стандартные формулировки не знают, что у человека незарегистрированное начало.

Рен не помнил собственного начала. Это было не новостью, но видеть свою пустоту записанной в контракте оказалось совсем другим ощущением. Как будто кто-то не просто заметил его провал в памяти, а давно держал туда приготовленный ключ.

— Кто составил этот пункт? — спросил он.

— Я впервые вижу приложение, — сказал Фальц.

— Вы подписали заказ?

— Только основную форму.

— Значит, кто-то добавил условие после вашей подписи.

Чернила дрогнули и сложились в слова: «Условие неотделимо от договора».

Рен поймал себя на желании оттолкнуть документ, сбежать, отложить решение до тех пор, пока кто-нибудь не объяснит ему, что происходит. Прежний Рен уже поставил бы подпись. Сказал бы, что разберётся с последствиями на месте. В конце концов, последствия и были его ремеслом.

Он достал перо.

— Рен, — сказала Мара.

— Я не собираюсь соглашаться на это условие.

— А если договор не позволит его вычеркнуть?

— Тогда я не подпишу.

Слова прозвучали просто. Удивительно, сколько лет потребовалось, чтобы научиться произносить их без извинения.

Рен зачеркнул опасный пункт. Чернила взвились тонким чёрным дымом. Над листом на мгновение возникло очертание человека без лица, но дым тут же рассеялся.

На свободном месте Рен написал собственную оговорку:

«Исполнитель не обещает счастливого конца до выяснения желаний героев. Любое вмешательство допускается только с согласия тех, кого оно затрагивает. Цель, цена и допустимые потери согласуются до начала работы. Исполнитель не отвечает за отказ участника от предложенного решения. Собственная судьба исполнителя не является залогом».

— Комиссия не примет такой текст, — сказал Фальц.

— Тогда комиссия не получит от меня работу.

— Вы ставите под угрозу все три сказки.

— Нет. Я отказываюсь ставить под угрозу всех их героев ради вашей должности и моей подписи.

Фальц долго смотрел на оговорку. Потом взял перо и добавил: «Заказчик обязуется содействовать получению согласия участников и не препятствовать их выбору».

— Это не гарантирует, что они выберут правильно, — сказал он.

— «Правильно» для кого?

Фальц поморщился, но подписал.

Красная печать вспыхнула. Синяя осталась целой, однако теперь рядом с ней проступило пустое место для подписей героев. Рен поставил своё имя под оговоркой.

В тот же миг чернила на его строке поползли.

Рен замер. Тонкая чёрная нить скользнула между словами, обвила его подпись и потянулась вниз, к странице с перечёркнутым условием. Она двигалась не как обычная краска, а как живое существо, которому не понравилось, что его лишили добычи.

— Не трогай, — сказала Мара.

— Я и не трогаю.

Чернила собрались в одну каплю и проступили рядом с его подписью. Новые буквы возникали медленно, хотя перо лежало на столе.

«Рен. Первую историю ты уже однажды оставил без конца».

У него пересохло во рту. Ни Фальц, ни Мара не успели прочитать строку вслух. Она впиталась в бумагу и исчезла, оставив после себя бледный след, будто слова стёрли не пальцем, а временем.

Затем третья книга раскрылась сама.

На странице появилась принцесса. Она стояла в башне без короны, с коротко остриженными волосами. За её спиной, за толстым стеклом, виднелся лес, а внизу у ворот толпились люди с копьями, лестницами и очень бодрыми выражениями лиц.

Принцесса взяла у одного из них свиток, прочитала и разорвала пополам.

— Я отменила спасение, — произнесла она. — Не присылайте следующего героя.

Бумага дрогнула, и внизу проступила новая строка. На этот раз чернила не пытались скрыться.

«Согласие участника на спасение отсутствует».

Рен убрал перо в карман.

— Похоже, первый вопрос для этой сказки мы уже знаем.

— Чего она хочет? — спросил Фальц.

— Это нам предстоит выяснить.

— А если она не захочет счастливого конца?

Рен вспомнил оговорку, которую только что подписал. Впервые его собственная подпись не была обещанием исправить всё любой ценой.

— Тогда хотя бы это будет её решение.

Страница захлопнулась. Под договором зашевелилась цепь, и где-то внутри книг три разные истории одновременно начали отсчёт до полуночи.

Принцесса, отменившая спасение

Через секунду Рена швырнуло на солому. Следом свалился Фальц, затем с потолка посыпались сушёные яблоки и чья-то шляпа с пером.

Снаружи грохнуло так, будто замок уронил на каменный пол целую армию.

— Мы прибыли, — сказал Фальц, поднимаясь. — Судя по запаху, в конюшню.

— И судя по звуку, не в самое спокойное время.

В полумраке между стойлами стоял белый конь. Его грива была заплетена серебряной лентой, на попоне золотом вышили: «Спасение принцессы». Конь жевал яблоко с выражением существа, которое уже видело несколько спасений и ни одно не сочло удачным.

Рен посмотрел на седло. К нему была привязана табличка: «Для героя».

— Не вздумай, — предупредил Фальц.

— Я и не собирался.

— Ты посмотрел на него так, как смотрят на решение, которое уже приняли за тебя.

Рен снял табличку и положил на сено. Из кармана отозвался договор: бумага дрогнула, и на краю проступили слова «Согласие участника на спасение отсутствует». Рен разгладил их пальцем. Напоминание было своевременным. Особенно потому, что в его голове уже складывался знакомый план: найти принцессу, вытащить её из башни, преодолеть пару препятствий и вручить миру аккуратную развязку.

За дверью кто-то крикнул:

— Лестницу к восточной башне! Её высочество всё ещё там!

Из соседней стойлы высунулась лошадиная морда. На ней висел колчан.

— А вы, сударь, — сказал Фальц, — случайно не из тех, кто вместо вопроса сразу заказывает лестницу?

— Я исправляюсь.

— Прекрасно. Исправляйся быстро. Вон там, кажется, горит стена.

На стене конюшни висела карта замка. Поверх неё дрожала светящаяся надпись: «До полуночи осталось четыре часа». Под ней чернила сами вывели: «Принцесса ожидает героя. Герой прибудет на белом коне». Рен зачеркнул вторую фразу. Чернила вспухли и снова восстановили её, будто обиделись.

— У сюжета сегодня плохой слух, — заметил Фальц.

Они выбежали во двор. Замок был захвачен людьми герцога Ровена: чёрные флаги на зубцах, солдаты у ворот, дым над кухонным крылом. Но восточная башня держалась. На её крыше мелькнуло красное полотнище, затем пропало.

— Это сигнал? — спросил Фальц.

— Или занавеска решила эмигрировать, — ответил Рен. — Пойдём узнаем.

К башне вела винтовая лестница, заваленная щитами, корзинами и одним очень сердитым петухом. На третьем пролёте им преградили путь две женщины с арбалетами и юноша, вооружённый кочергой.

— Ещё один шаг, и я проверю, насколько вы полезны с болтом в сапоге, — сказала одна из женщин.

— Мы пришли поговорить с принцессой.

— Все так говорят. Потом почему-то начинают нести лестницу.

— Лестницы у нас нет, — сказал Рен.

— Пока нет, — шепнул Фальц.

Женщина не опустила арбалет. В этот миг сверху раздался голос:

— Пустите их. Если они попробуют спасти меня силой, я спущу их по ступеням быстрее, чем они поднялись.

На площадке башни стояла принцесса Мира. На ней были мужские сапоги, кольчуга поверх рубашки и ремень, к которому вместо драгоценностей привесили ключи. На щеке темнела полоса сажи. В одной руке она держала карту, в другой — лом.

— Рен, наёмник для счастливых концовок, — представился он.

— Знаю. Ваша визитка валялась у убитого гонца. На ней написано: «Исправляю финалы, не задавая лишних вопросов». Кажется, вам пора заказать новые визитки.

Рен поморщился. Справедливо.

— Мы получили сообщение об отмене спасения.

— Я разорвала приказ. Не спасение. Приказ.

— Важное различие.

— Для тех, кого собираются спасти без спроса, — да.

Мира развернула карту на ящике. Восточная башня была отмечена красным. От неё тонкая линия вела к старой водяной галерее, затем к потайной калитке у реки.

— Я освободила башню, — сказала она. — Здесь двадцать три человека: слуги, двое стражников и трое детей из нижнего двора. Мы забрали оружие из кладовой, перекрыли лестницу и вывели пленников из кухни. Но герцог удерживает главные ворота. Мои союзники ждут у старой мельницы, за рекой. Им нужен сигнал, иначе они войдут в осаду вслепую.

— Значит, вам нужен план эвакуации, — сказал Рен. — Мы можем вывести вас через северное окно. Я отвлеку стражу, Фалыц найдёт коня, а дальше—

Он остановился. В его голосе уже звучало знакомое бодрое «мы». Он только что успел назначить себя главным, хотя ещё не узнал, чего от него хотят.

Мира смотрела на него без злости. Это было хуже.

— Я не собираюсь становиться пассажиром в собственном побеге, — сказала она. — Я уже вывела людей из двух помещений. В балладе потом, конечно, появится рыцарь, который якобы вынес меня из башни. А моё имя останется в строчке про платье.

Рен убрал руку с карты.

— Вы правы. Я поспешил.

— Я заметила.

— Тогда спросу как следует. Тебе нужна помощь, совет, ресурс или просто пространство действовать самой?

В башне стало тихо. Даже петух, которого принесли наверх в корзине, перестал возмущаться.

Мира опустила лом на ящик и задумалась. Не для вида, не чтобы дать им передышку. Она действительно перебрала варианты.

— Ресурс, — сказала она. — И связь с людьми у мельницы. Мне нужен способ передать им, что мы идём через водяную галерею. Совета не надо. Пространство я себе уже отвоевала. Но если у вас есть средство отправить сообщение сквозь стены, оно пригодится.

— Есть, — сказал Рен. — Голосовая нить. Соединяет два предмета, если на обоих есть железо. Но слова будут слышны всем, кто держит второй предмет.

— Подойдёт. У моих союзников есть железный колокол на мельнице.

Рен достал из сумки тонкий медный шнур, на концах которого были маленькие стальные кольца.

— Разрешаете использовать?

— Разрешаю. Сообщение отправлю я.

Он кивнул и передал ей нить.

Только теперь, когда она взяла вещь сама, Рен заметил, как легко было бы поступить иначе: протянуть руку, заговорить уверенным голосом, выдать своё решение за заботу. Помощь могла быть полезной. Могла быть и способом занять чужое место, не спросив разре-

шения. Разница начиналась не с намерения помощника, а с выбора человека, которому помогали.

Фальц тем временем изучал карту.

— Если вы выйдете через галерею, у водяной заслонки будет решётка. Её придётся поднять.

— Я знаю, — ответила Мира. — Уже послала туда двоих. Но рычаг заклинило.

— У меня есть клещи.

— Теперь у вас есть работа, Фальц.

— Наконец-то меня назначили не сопровождающим.

Снизу донёсся звук трубы. Затем снаружи, на площади, раздался громкий, хорошо поставленный голос:

— Принцесса Мира! Я, сэр Эдрик де Белый Шлем, прибыл для вашего спасения! Прошу открыть ворота и приготовить окно для торжественного подъёма!

Мира закрыла глаза.

— Он всегда так говорит?

— Возможно, только в важные моменты, — предположил Фальц.

— У него каждый момент важный. Вчера он просил подать ему суп в тишине, потому что бульон мешал его судьбе.

Под трубой послышался скрип седла, потом голос оруженосца:

— Сэр, белый конь не хочет вставать на задние ноги.

— Пусть привыкнет к значимости происходящего!

Рен подошёл к бойнице. Во дворе действительно стоял рыцарь в сияющих доспехах. Белый конь косился на него с усталой неприязнью. Сэр Эдрик держал букет, который, судя по всему, пережил дорогу хуже, чем сам рыцарь.

— Сюжет настаивает, — сказал Рен. — Если открыть ему ворота, он ворвётся сюда и объявит, что всё решил.

— А если не открыть, он устроит осаду вместе с герцогом? — спросил Фальц.

— Нет, — сказала Мира. — У него нет столько людей. Но есть громкий голос и уверенность, что его намерения важнее наших обстоятельств.

— Хотите, я поговорю с ним?

— Нет. Я поговорю. Но позже. Сейчас его можно использовать как отвлекающий манёвр.

Рен поймал себя на том, что хочет предложить три варианта. Вместо этого он отступил от бойницы.

— Что нужно сделать?

— Сначала отправить сигнал. Потом переместить людей к водяной галерее. Ты будешь держать верхнюю лестницу вместе со стражниками. Фальц займётся заслонкой. Я распределю людей и открою калитку, когда союзники подойдут к реке.

— Принято, — сказал Рен.

Ему хотелось добавить, что он может вести отряд. Хотелось показать, что он опытный, что умеет рассчитывать время и находить выходы. Он не добавил ничего.

Мира приложила стальное кольцо к медному шнуру и заговорила. Нить засветилась голубым огоньком.

— Капитан Ильва? Это Мира. Мы в восточной башне. Выходим через старую галерею. Не штурмуйте ворота. Ждите сигнала с мельничного колокола: три коротких удара, один длинный. Возьмите лодки и встретьте нас у нижнего шлюза.

На другом конце нити ответили не сразу. Затем сквозь треск донёсся женский голос:

— Принято. Мира, мы ждали твоего приказа.

— Не приказа. Моего решения, — сказала принцесса. — Скоро буду.

Связь погасла.

Внизу опять трубил сэр Эдрик. Теперь он объяснял охране, почему должен войти первым, хотя ещё не понял, где находится вход.

Мира посмотрела на башенных людей.

— Собираем воду, тёплые вещи и оружие. Никаких сундуков. Кто может идти сам, идёт рядом. Кто не может, мы несём по очереди. Если встретите герцогских солдат, не геройствуйте. Отступайте к галерее. Наша цель — выйти, а не доказать, что мы достойны трагической баллады.

— А если баллада уже сочинена? — спросил юноша с кочергой.

— Пусть сочинитель сам несёт сундук.

Солдаты и слуги засмеялись. Страх не исчез, но стал делом, которым можно управлять: у кого-то появились корзины, кто-то поднял детей, одна из стражниц проверила арбалет. Мира знала, кто из них хромает, кто боится темноты и у кого привычка паниковать при слове «вода». Она не просто командовала. Она видела людей.

Из-за двери донёсся удар. Потом ещё один.

— Они нашли лестницу, — сказал Рен.

— Значит, пора, — ответила Мира.

Она первой спустилась на площадку, отдала короткие распоряжения и повела людей к потайному проходу. Рен занял позицию у лестницы. Когда в проёме показались герцогские солдаты, он поднял щит и приготовился принять удар на себя. За его плечом Мира всё ещё выводила людей. Рен мог броситься вперёд и закрыть собой проход. Но тогда он загородил бы его и от остальных.

— Не удерживай лестницу любой ценой, — крикнула Мира. — Отступай на второй пролёт, там узко!

Рен послушался. Он не геройствовал, а прикрывал отход. Разница оказалась не такой эффектной, зато полезной.

Фальц добрался до водяной заслонки и засунул клещи между заржавевшими зубцами. Металл взвыл. Снизу ударила вода, и галерея наполнилась гулом.

— Заклинило! — крикнул он.

Мира передала ему лом.

— Не тяни вверх. Надави влево, потом поднимай.

— Ты уверена?

— Я проверяла.

— Хорошо, что у нас есть специалист по заслонкам.

— Вообще-то я специалист по замкам, договорам и чужим плохим решениям. Заслонки просто часто попадают.

Он нажал влево. Механизм поддался. Решётка поднялась на ладонь, затем ещё на ладонь. Вода хлынула в канал, открывая узкий проход к нижней калитке.

Но впереди была дверь с тяжёлым запором. За ней начинался выход к реке, а с другой стороны двое вооружённых стражников герцога охраняли двор. Мира остановила отряд.

— Если мы откроем дверь сейчас, нас заметят. Надо дожидаться сигнала с мельницы.

Снаружи по-прежнему гремела труба. Сэр Эдрик, кажется, пересел на коня и кружил вокруг ворот, выкрикивая предложения о немедленном спасении. Его белый плащ вспыхивал в темноте, словно ходячее приглашение для всех лучников замка.

— Он отвлекает охрану, — сказала Мира. — Непреднамеренно.

— Иногда это лучший вид таланта, — заметил Фальц.

В голосовой нити раздались три коротких удара и один длинный. Колокол на мельнице ответил глухим звоном.

Мира сняла с пояса связку ключей. Рен шагнул к ней, потом остановился. Перед ним была дверь, до которой он мог дотянуться за два шага. Он мог открыть её сам. Она стояла рядом с ключами и знала, какой из них подходит.

Мира вставила ключ, повернула, подняла засов. Потом посмотрела на людей, собравшихся в тёмном коридоре.

— Ворота откроются для наших союзников и тех, кто выходит вместе с нами, — сказала она. — Не для герцога. Не для балладного рыцаря. И не для человека, который перепутал красивое появление с разрешением.

— А рыцарю что передать? — спросил Рен.

Снаружи сэр Эдрик торжественно объявлял, что сейчас непременно спасёт принцессу, даже если ему придётся начать с самого замка.

— Передайте, что если он может ещё четверть часа ездить кругами и отвлекать стражу, его помощь будет оценена. В конце он может сам выбрать, хочет ли попасть в историю как рыцарь или как очень заметная мишень.

Фальц распахнул дверь. Холодный речной воздух ударил в лицо. Внизу ждали лодки, а за ними — Ильва и вооружённые союзники. Мира спустилась первой. Не потому, что ей запретили идти впереди, и не потому, что кто-то вытолкнул её на свободу. Она выбрала дорогу и повела по ней остальных.

Рен вышел последним. У самой калитки он оглянулся на замок. В одном из окон башни колыхалась оборванная занавеска. Красное полотнище снова поднялось над крышей, но теперь это был не случайный сигнал. Мира привязала его к древку сама.

На первой лодке она развернула мокрый лист, который весь вечер носила за поясом. Это был старый вариант сказки. В нём принцесса томила в башне, пока герой не пробивал стену и не увозил её на белом коне.

Мира перечеркнула последнюю строку.

— Что ты пишешь? — спросил Рен.

— То, что произошло.

Она добавила: «Мира открыла ворота тем, кому доверяла, вывела своих людей и сама выбрала, куда идти дальше».

Чернила вспыхнули. Старая фраза исчезла. Новая осталась.

На другой стороне реки сэр Эдрик наконец сумел развернуть коня. Белый конь, воспользовавшись общим замешательством, направился к конюшне без всадника. Рыцарь продолжал трубить, хотя теперь его никто не слышал.

— Думаешь, он обидится? — спросил Фальц.

— Скорее всего, — сказала Мира. — Но это его чувство. Я не обязана устраивать осаду, чтобы оно прошло.

Рен посмотрел на договор в своей руке. Бумага больше не дрожала. Впервые за много лет он завершил чужую историю не тем, что нашёл самый быстрый выход, а тем, что помог её героине выбрать выход самой.

— Спасибо, что не стали спасать меня, — сказала Мира.

— Спасибо, что сказали, когда я начал.

Лодки отошли от берега. Впереди светились огни мельницы, за спиной оставался замок, а на странице книги строка о принцессе уже не помещалась в прежние рамки.

Когда переплёт захлопнулся, между его листами мелькнула чешуйчатая тень. От книги потянуло дымом. На обложке проступили слова, написанные крупно и сердито: «Я больше не собираюсь быть препятствием».

Рен вздохнул.

— Кажется, следующая история уже недовольна своей ролью.

Дракон, которому надоело быть препятствием

Книга кашлянула дымом прямо Рену в лицо.

Он успел отвернуться, но чёрная копоть всё равно осела на воротнике. Переплёт распахнулся, страницы затрепетали, и между ними проступила дорога, ведущая к горе. Над дорогой висел запах серы, мокрого камня и чего-то сладкого — будто кто-то пережёг карамель.

— Пещера, дракон, сокровище, — пробормотал Рен. — Надеюсь, хотя бы сокровище не требует отдельного договора.

Он шагнул на страницу.

У подножия горы его встретила деревянная вывеска:

**ПЕРЕГОВОРНАЯ ВЕКСа. СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ УСЛОВИЙ ТРУДА.
С МЕЧАМИ НЕ ВХОДИТЬ.**

Ниже свежей краской было добавлено:

И С КОНЯМИ ТОЖЕ.

Рен убрал руку с эфеса.

Дверь переговорной оказалась размером с амбарные ворота. За ней, в просторном зале, сидел дракон. Он был так велик, что стол перед ним выглядел журнальным, а чашка чая — напёрстком. На его чешуе тускло поблёскивали угольные прожилки. Одно крыло было аккуратно перевязано лентой с надписью «Не трогать до конца смены».

Векс держал в лапе перо и педантично заносил что-то в протокол. Перед ним лежали стопки бумаг, мерная линейка, песочные часы и блюдце с печеньем. Печенье, судя по обугленным краям, уже прошло испытание огнём.

— Вы опоздали на три минуты, — сказал дракон, не поднимая головы. — Я отметил это в графе «прочие нарушения порядка».

— Я не знал, что меня ждут.

— Вот именно. У нас в сказках никогда ничего не согласовывают заранее.

Векс перевернул страницу. На листе крупными буквами было написано: «**ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕТЕНЗИЙ К МНОГОЛЕТНЕЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ В КАЧЕСТВЕ ПРЕПЯТСТВИЯ**».

— Пункт первый, — произнёс дракон. — Меня регулярно назначают охранять сокровища, к которым у меня нет имущественных прав. Пункт второй: герои врываются без записи и считают, что если у них есть меч, то у меня автоматически есть свободный вечер. Пункт третий: меня просят рычать, грозно смотреть и дважды промахнуться огнём, чтобы у героя было время произнести речь.

— А пункт четвёртый? — спросил Рен.

— Меня убивают в финале. Иногда воскресают. Иногда нет. Никто не присылает даже открытку с извинениями.

Он поставил в протокол точку так сильно, что перо сломалось.

Рен посмотрел на дракона, потом на свои руки. Он уже мысленно перебирал решения: перенести сокровище, заменить дракона големом, устроить короткую дуэль без травм. Все варианты были аккуратными, быстрыми и совершенно не учитывали человека, точнее дракона, который сидел напротив.

— Прежде чем я предложу что-нибудь, — сказал Рен, — какая помощь вам нужна? Вы хотите, чтобы я выслушал, помог сформулировать условия или поискал другой способ пройти эту историю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.